

Николай Молчанов

НЕИЗВЕСТНЫЙ

ДЕ ГОЛЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ
ФРАНЦУЗ

Николай Молчанов

**Неизвестный Де Голль.
Последний великий француз**

«Алисторус»

2011

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Молчанов Н. Н.

Неизвестный Де Голль. Последний великий француз /
Н. Н. Молчанов — «Алисторус», 2011

ISBN 978-5-699-53020-5

Один из самых своеобразных, оригинальных и деятельных людей, вошедших в историю XX века, — генерал де Голль был выдающимся государственным деятелем и самым любимым президентом Франции. Он успел дважды возглавить страну, оба раза принимая руководство на пике национальной катастрофы и оставляя государство в состоянии экономического подъема и роста международного престижа. Книга профессора Н.Н. Молчанова — самая полная биография легендарного француза, одной из величайших личностей XX столетия.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-53020-5

© Молчанов Н. Н., 2011
© Алисторус, 2011

Содержание

«Орленок»	6
Сен-Сир	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Молчанов
Неизвестный Де Голль.
Последний великий француз

© Молчанов Н.Н., наследники, 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

«Орленок»

Поздней осенью 1900 года по одной из аллей Люксембургского сада мимо холодных статуй и уже потерявших листву деревьев проходил высокий, немного сутулый, седеющий мужчина, весь в черном. Преподаватель философии коллежа иезуитов на улице Вожирар Анри де Голль время от времени бросал то суровый, то мягкий взгляд на шагавшего рядом с ним сына Шарля, которому в этот день исполнилось десять лет. Они возвращались из театра Сары Бернар. Мальчик дождался, наконец, обещанного подарка, в руке он держал программу «Орленка», спектакля Эдмона Ростана. В последние месяцы Шарль столько слышал о нем! О Ростане говорили, что стоит ему захотеть, и завтра он будет королем Франции, так велика его слава!

Она засияла еще три года назад, после постановки знаменитой героической комедии «Сирано де Бержерак». Ростан воскресил старинное искусство стихотворной романтической драмы. Его главный герой Сирано заставлял плакать и смеяться одновременно. Отважный, благородный, остроумный гасконец, со смешным огромным носом, казалось, воплощал самые лучшие качества типичного француза. Новая пьеса «Орленок» была несравненно слабее. Злосчастная судьба сына Наполеона, так называемого Римского короля, оказавшегося после падения императора фактическим пленником австрийского королевского двора, вообще мало походила на ее изображение в пьесе. Ростан невольно подтвердил справедливость слов Наполеона о том, что от великого до смешного – один шаг. В «Орленке» трагедия смешалась с дешевой опереттой и, несмотря на блестящие александрийские стихи, великолепную игру актеров, пышное оформление пьесы, получилась банальная мелодрама. И все же «Орленок» затмевал успех действительно замечательной пьесы «Сирано де Бержерак» и производил фурор. Впрочем, пьесы, как и книги, имеют свою судьбу в зависимости от головы читателя или зрителя!

А французы в дни, когда начинался новый век, оказались необычайно восприимчивы к напыщенной риторике на тему о Родине, Величии, Франции. Если речь заходила об унижении национальной святыни, об имени Наполеона, а об этом и напоминал Ростан в «Орленке», возмущенное патриотическое чувство доходило до экстаза. Уже тридцать лет французы болезненно переживали позор поражения во франкопрусской войне 1870–1871 годов. Франция познала тяжкое горе побежденных: у нее отняли Эльзас и часть Лотарингии, заставили платить огромную пятимиллиардную контрибуцию. Франции, как заявил Бисмарк, оставили лишь глаза, чтобы оплакивать свои несчастья...

Три десятка лет не только не ослабили чувства унижения, но превратили его в жажду отмщения. Франция вновь стала сильной. На Всемирной парижской выставке 1900 года она демонстрировала свои богатства, достижения и таланты. Теперь боль от старых ран стала невыносимой. Французы ничего не забыли, статуя захваченного врагом Страсбурга на площади Согласия неизменно покрывалась траурным крепом, а ее подножие утопало в цветах. Дух реванша, грозно созревая, выражался в самых неожиданных вещах. В моду вошли матросские береты для мальчиков с надписями вроде «Мститель», «Бесстрашный», «Неукротимый». Такая золотая надпись украшала и голову десятилетнего Шарля де Голля, возвращавшегося с представления «Орленка» как во сне: настолько его потрясла пьеса. Взгляд блуждал по сторонам, а в ушах не умолкали великолепные, звенящие стихи Ростана. Тирады старого наполеоновского солдата Фламбо, страдания несчастного «белокурого Бонапарта», игравшего на сцене в солдатике, любимое занятие маленького Шарля, – все волновало его. Слова сына Наполеона отдавались в сознании ребенка звучным эхом: «О царственная слава! Имперский трон, порфира и орлы!» Глаза наполнялись слезами, когда он вспоминал раннюю смерть Римского короля, покидавшего мир с очередной звонкой фразой: «Скорей коня, к отцу спешить я должен...»

Словом, Ростан безраздельно и надолго завоевал сердце Шарля. Видно, не зря мать еще раньше завивала и причесывала ему локоны под Римского короля, а вокруг его тонкой шеи обычно лежал туго накрахмаленный воротничок, подобный тому, в каком великий актер Коклен исполнял роль Сирано.

Правда, тогда все французские дети, выращенные в атмосфере националистического психоза, легко поддавались обаянию барабанного боя, пушечной канонады, сверкания оружия и трепета боевых знамен. Но юный Шарль де Голль оказался особенно восприимчивым ко всей этой патриотической бутафории. Культ восторженного патриотизма, давних традиций, страстной национальной гордости безраздельно царил в семье, где он воспитывался. Здесь часто с грустью говорили о поражении Франции во франкопрусской войне. На всю жизнь запомнится Шарлю де Голлю рассказ матери об отчаянии, которое она испытала однажды в детстве, увидев своих родителей, горько плакавших при известии о капитуляции в 1870 году армии маршала Базена. О горестных днях поражения особенно часто напоминал отец Шарля, участник злосчастной войны. Лейтенант мобильной гвардии Анри де Голль сражался против пруссаков, осадивших Париж, был ранен в бою около местечка Стен. Он не раз возил своих детей на бывшее поле битвы и показывал им памятник погибшим с изображением сломанного меча и эпитафией, которую они с волнением читали: «Меч Франции, разбитый в доблестных руках павших, будет снова выкован их потомками».

Анри де Голль часто водил детей на прогулки по историческим местам Парижа и его окрестностей, рассказывая по пути о самых славных эпизодах истории Франции. Юный Шарль де Голль восторженно проникается чувством патриотической гордости. О самых сильных впечатлениях своего детства он напишет много лет спустя: «Ничто так не поражало меня, ребенком попавшего в Париж, как символы нашей славы: Собор Парижской богородицы, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, трофейные знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов».

Анри де Голль показывал детям исторические памятники с таким же видом, с каким он давал им потрогать свою военную медаль 1870 года. Ведь эти памятники тоже были своего рода семейной гордостью. Уже в раннем детстве Шарль де Голль узнал о своих предках, на протяжении веков помогавших королям «создавать» Францию.

Далеко не каждый из его сверстников, происходивших из старинной французской знати, мог похвастаться тем, что еще в 1210 году славный король Филипп Август пожаловал Ришару де Голлю ленное владение в Эльбеже.

Особенно заметный след оставил участник Столетней войны храбрый шевалье мессир Жан де Голль, правитель Орлеана. В 1406 году с отрядом арбалетчиков он переправляется через Сену и штурмует Шарантон, в 1413 году король поручает ему защиту ворот Сен-Дени, которые осаждал герцог Бургундский, а через два года он участвует в знаменитом сражении при Азенкуре, окончившемся поражением французов. Когда англичане захватывают Нормандию, Жану де Голлю предлагают перейти на службу к английскому королю. Подобно своему далекому потомку, он отказывается стать коллаборационистом, теряет свои владения и обосновывается в Бургундии; король Франции вознаграждает его за верность и наделяет владением в Кюзери...

Генеалогическое древо де Голлей дает новые ветви, и на страницах истории упоминается то один, то другой представитель рода, носившего имя, столь созвучное с названием древней Галлии, на земле которой возникла Франция. К началу XVIII века предки Шарля де Голля превращаются из представителей «дворянства шпаги» в «знать мантии». Наместники, советники парламентов, судебных учреждений, адвокаты, прокуроры сменяют друг друга в фамильном списке.

Но вот наступает Великая французская революция, и советник парижского парламента Жан-Батист Филипп де Голль, как и все дворяне Франции, ощущает на себе ее железную руку.

Он разорен, а при Конвенте посажен в тюрьму. Контрреволюционный переворот 9 термидора спасает его; на другой день он уже на свободе, а затем постепенно приспосабливается к новым временам. К концу правления Наполеона он становится директором военной почты Великой армии. А его сын Жюльен-Филипп де Голль соединяет уже порядком высохшую ветвь дворянского рода с промышленной буржуазией севера. Он женится на Жозефине Мэйо из семьи владельцев табачной фабрики в Дюнкерке. И у нее был хотя и более скромный, но приличный список предков. Один из Мэйо в XVIII веке строил по приказу Вобана укрепления Лилля.

Два полуразрушенных рода – один аристократический, другой буржуазный – дали не совсем обычную поросль, которую можно назвать консервативной интеллигенцией. Жюльен-Филипп де Голль оставил после себя несколько исторических сочинений, например «Новую историю Парижа и его окрестностей» или «Жизнеописание пейзажиста гна Бидо». Но особенно активную духовную деятельность развила бабушка Шарля – Жозефина Мэйо. Она написала немало книг, в частности биографию Шатобриана, поклонником которого станет ее знаменитый внук. Она издавала также журнал «Семейная переписка». Ревностная католичка, она тем не менее проявляла необычную широту взглядов. В своем журнале Жозефина напечатала одобрительные комментарии к некоторым сочинениям социалиста Прудона и даже произведения будущего коммунара Жюля Валлеса.

В этой семье было три сына. Шарль стал историком, написавшим труд «Кельты в XIX веке». Второй сын – Жюль тоже пошел в науку, но совсем иную. Он приобрел известность как энтомолог своим «Каталогом перепончатокрылых Франции», в котором описал пять тысяч видов ос и пчел. Судьба третьего сына – Анри, родившегося в 1848 году, сначала была неопределенной. Участник войны с Пруссией, допущенный в военноинженерную Политехническую школу, он отказался от карьеры офицера, предпочел должность мелкого чиновника в префектуре департамента Сена. Здесь он тоже не задержался, подав в отставку в знак протеста против несправедливости по отношению к одному из его коллег. В конце концов, он стал преподавателем «свободной», то есть религиозной, школы. Он обучал литературе, философии, математике учеников иезуитского коллежа Непорочного зачатия на улице Вожирар.

В 1886 году Анри де Голль женился на своей кузине Жанне Мэйо: так род де Голля еще раз породнился с промышленной буржуазией севера. 22 ноября 1890 года у супругов родился второй сын. Если первого они назвали Ксавье, то второму удачно досталось звучное имя Шарль, очень подходящее для будущего политического деятеля. Он появился на свет в строгом двухэтажном особняке солидного буржуазного квартала города Лилля, вдали от его шумных промышленных районов. Но нет нужды особенно останавливаться на описании Лилля; семья жила в Париже, и двое старших сыновей родились здесь только потому, что мадам де Голль хотела родить в доме своей матери.

Многие считали, что Шарль де Голль по своему характеру был вылитым портретом матери: та же чувствительность, скрытая под ледяной маской невозмутимости, тот же темперамент, в котором смешивались уравновешенность и нервозность, та же внезапная вспыльчивость. Что же касается мировоззрения, культуры, манеры мышления, то он – явно сын своего отца. Разумеется, все эти проявления врожденной наследственности – дело темное и напоминают извечные разговоры о том, от кого из родителей сын унаследовал цвет глаз, форму носа или походку. Важнее восстановить духовную атмосферу, в которой рос и воспитывался человек, вступающий в жизнь.

Север Франции, откуда ведет свое происхождение семья Шарля де Голля, всегда считался центром национализма в сочетании с католицизмом. Однако церковь выражает здесь несколько иной дух, чем, например, в западных районах Франции, где многое застыло в формах феодальных времен. На севере католики склонны больше прислушиваться к новым веяниям. Это в какой-то степени свойственно и части промышленной буржуазии северных департаментов. Здесь, вблизи скрещения главных европейских торговых путей и промышленных районов,

нельзя было выдержать конкуренции без особой предприимчивости, без умения приспосабливаться к новым обстоятельствам и требованиям рынка и, конечно, без экономии и неустанного труда. Север – главное средоточие деловой энергии тогдашней французской буржуазии, что отражалось во всем ее пуританском облике, в образе жизни и нравах. Дворянство здесь тоже, в отличие от юга и запада, более современное, особенно близкое к новой буржуазии. К тому же среди населения севера росло число рабочих, которые посвоему вынуждали местную буржуазию понимать требования времени. Что касается национализма, то его сильное влияние объясняется тем, что на протяжении веков этот район Франции был полем битв и путем вражеских вторжений.

Вообще, атмосфера человеческих отношений, быт, нравы на севере отличались значительно более суровым колоритом, чем на средиземноморском юге, в Лангедоке или Провансе. Еще Бальзак писал, что весь характер уроженцев этих мест «в двух словах: терпение и добросовестность... которые делают нравы страны столь же скучными, как ее широкие равнины, как ее пасмурное небо». Но оставим север, поскольку Шарля де Голля еще ребенком увезли в Париж, а несколько поколений его предков по линии отца были парижанами.

Жанна де Голль, женщина набожная, создавала в доме жизнь, полную благочестия. Хорошая жена и заботливая мать, она была властной и непримиримой в отношении религии и нравов. Под стать ей был и муж; не зря же он преподавал в религиозном учебном заведении.

Не говоря уже об обязательном посещении мессы, ничего не делалось без молитвы. Тоска по прошлому, и особенно по монархии, надежды на восстановление которой безнадежно рухнули, создавала в семье настроение некоторой отчужденности от окружающей жизни. 14 июля – день взятия Бастилии – почти не признавался законным торжеством. Национальным праздником считали больше день памяти Жанны д'Арк.

События политической жизни встречали одобрение только в том случае, если речь шла о каком-либо намеке на возрождение «истинного величия» Франции. С восторгом отнеслись родители Шарля к приезду в Париж в 1896 году русского императора Николая II. Союз с Россией обещал успех в назревавшей войне с Германией. В Париже хотя бы внешне возродилась видимость монархической атмосферы в ходе разных официальных церемоний вроде торжественной закладки первого камня в мост Александра III. Семья непременно отправлялась на военные парады на ипподром в Лоншане, чтобы любоваться стройными рядами солдат, своим видом напоминавших о былой воинской славе. Правда, Анри де Голль, называвший себя «тоскующим монархистом», предпочел бы видеть не трехцветные республиканские знамена, а королевские лилии на белых стягах. Только два института французского общества считались в семье Анри де Голля достойными всяческого уважения и доверия – армия и церковь. Но с тем большей горечью следили здесь за ожесточенной борьбой против этих столпов тысячелетней истории Франции. Последнее десятилетие XIX века было наполнено непримиримыми распрями, в центре которых оказалось знаменитое «дело Дрейфуса». Судьба невинно осужденного за мнимый шпионаж офицера-еврея возмутила совесть Франции. Страна оказалась на грани гражданской войны. Раскрылась гнусная цепь подлогов, лжи, мошенничества, к которым прибегала верхушка французской армии, чтобы спасти свое лицо в позорном для нее «деле Дрейфуса».

Родители Шарля де Голля были уязвлены в своих сокровенных чувствах: обожаемая ими армия, эта национальная святыня, покрыла себя грязью невиданного позора. Оказалась запачканной и сама святая апостольская Церковь, выступавшая на стороне клики, столь нелепо состряпанной «дело Дрейфуса», чтобы сокрушить ненавистную Республику. Преступные махинации военщины и клерикалов убедительно и бесстрашно разоблачали Жан Жорес и Эмиль Золя. Но люди консервативных убеждений вопреки очевидным фактам обычно становились все же на сторону антидрейфусаров. И здесьто проявилось благородство, интеллекту-

альная честность Анри де Голля. Он не только считал Дрейфуса невиновным, но даже открыто заявил об этом на службе. И где? В иезуитском коллеже! Это серьезно повредило его карьере.

Впрочем, консервативные убеждения, националистическая гордость, монархические мечты и клерикальные симпатии родителей Шарля оставались вопреки всему непоколебимыми. Они лишь замыкались в одиночестве, еще раз убеждаясь, что все, чем может гордиться семья, связано с прошлым Франции, с ее историей.

С раннего детства Шарлю внушали, что по воле счастливого случая он – продолжатель столь славного в прошлом, хотя ныне увядшего генеалогического древа рода де Голлей. Естественно, каждый раз речь заходила о Столетней войне и событиях, ей подобных. Детям говорили, что людям такого происхождения никогда не следует изменять своей исторической миссии, состоящей в том, чтобы хранить высокий духовный облик нации, быть опорой патриотизма и католической веры. Вот к чему сводилось семейное воспитание будущего генерала! Он рано осознал свою принадлежность к подлинной элите, призванной самим богом быть солью земли и составлять когорту избранных носителей французского духа. Конечно, признавались и заслуги промышленной и коммерческой буржуазии, однако подчеркивалось неизмеримое превосходство над этим разрядом людей, обреченных на вечную низменную погоню за деньгами.

Видимо, здесь и лежат истоки того, что де Голль никогда, до конца своих дней, не признавал своей принадлежности к буржуазии. Забегая вперед, приведем слова, сказанные им в 1962 году: «Буржуа? Я им никогда не был. Буржуазия – это богатство, стремление к доходам, к собственности. Моя семья и я, мы всегда были бедны... Я никогда не чувствовал себя связанным с интересами и стремлениями этого класса».

Как мы еще будем иметь возможность убедиться, генерал де Голль имел весьма своеобразное представление о классовой структуре общества.

Вернемся, однако, к дням его нежного детства, когда ему внушали убеждение в его принадлежности не столько к буржуазному классу, сколько к самой выдающейся, самой высшей общественной группе – к дворянству, причем к его особой, избранной касте, той, которая не просто сражалась за короля, но обладала знаниями, правом судить, управлять, просвещать, поучать людей. Он приобретал не обычное гордое сознание дворянина, но особое патрицианское чувство. Им всегда отличались представители наследственной магистратуры, дворянства «мантии», к которому принадлежали многие предки Шарля де Голля.

Конечно, сама по себе дворянская приставка «де» уже практически мало что значила. Тем более, как говорили в старину во Франции, «нет сеньора без земли». А земли, как и богатства, не было, если не считать маленького семейного владения Ла Лижери в Дордони, где дети проводили лето. Однако сознание своего благородного происхождения психологически ведет к тому, что человек хочет быть знатным и стремится к власти. Он проникается чувством отличия от других и инстинктивно приобретает некоторую чопорность языка и манер, даже, как это было с де Голлем, если он и не кичится открыто своей знатностью. Ведь родители наряду со всем прочим воспитывали в нем на свой лад хорошие манеры, хороший вкус, хороший тон.

Уже в раннем детстве в его поведении порой проявлялись признаки веры в свою особую судьбу. Однажды десятилетний Шарль по обычаю мальчиков его возраста, забавляясь, съезжал по перилам лестницы, но, не удержав равновесия, упал и больно ушибся. Его подняли и участливо спросили: «Ты не испугался?» – «Испугался? – гордо ответил он. – Разве я родился не под счастливой звездой?»

Мальчик очень рано обнаружил отнюдь не покладистый характер. Никто не называл его простодушным или тем более послушным. С опущенными глазами его лицо выражало какую-то надменность, а когда он смотрел вперед, его взгляд исподлобья одним казался отважным, другим – заносчивым. Иногда он погружался в долгое мрачное молчание. Но гораздо чаще он был непоседливым и задиристым, горячим и резким. С азартным увлечением Шарль устраивал игру в войну вместе с сельскими мальчишками. В комнате мальчиков именно он поды-

мал невыносимый шум, устраивая из книг, тетрадей и игрушек беспорядочную свалку. «Если появляется Шарль, – говорили в семье, – покой исчезает».

Мать надеялась на школу; в 1900 году Шарль начал учиться в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Иезуиты славились искусством внушать уважение к священному принципу власти и воспитывать беспрекословное послушание. Пассивное повиновение – высшая из всех христианских добродетелей и величайшая заслуга перед богом. Развитию этой добродетели и посвящали иезуиты свои главные усилия. Руководствуясь учением Святого Бернарда, они требовали беспрекословного повиновения любым приказам свыше, даже если эти приказы покажутся отвратительными и ужасными. Рассуждать о целесообразности или справедливости приказа – тяжкий грех. «Как труп в руках начальства» – таким должен быть христианин согласно учению основателя Ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

Все, что отдавало противоположными идеями и духом, естественно, решительно отвергалось. Преподаватели в коллеже Непорочного зачатия сурово поносили Реформацию во всех ее проявлениях, и особенно XVIII век – век французского Просвещения. Руссо, Вольтер, энциклопедисты безоговорочно осуждались. Да и как могло быть иначе, если, например, Монтескье в знаменитой книге «Дух законов» в корне подрывал доктрину пассивного повиновения? «Абсолютное повиновение, – писал великий мыслитель, – предполагает невежество того, кто подчиняется, оно предполагает также невежество и того, кто повелевает».

Особенно яростные проклятия иезуиты обрушивали на Великую французскую революцию и ее деятелей. Вот что могли прочитать дети в своих учебниках: «Дантон был очень уродлив. Он напоминал разъяренного бульдога. Он был очень жесток. Он был бесчестен»; «Марат был ужасной личностью. Говорят, он напоминал жабу...»; «Робеспьер страдал безумной гордостью. Он считал себя всегда правым и хотел казнить всех, кто думал иначе, чем он». Понятно, почему как раз в те годы, когда Шарль де Голль учился в иезуитском коллеже, республиканцы, демократы и социалисты Франции упорно добивались принятия закона, который запретил бы религиозным конгрегациям, особенно иезуитам, заниматься обучением детей, запретил бы воспитывать их врагами Республики, демократии и прогресса.

Но все это происходит в ином мире, от которого юного Шарля де Голля прочно ограждают идеи, усвоенные в семье и в школе. Очень многое за стенами дома и коллежа для него совершенно непонятно, чуждо и необъяснимо. И хотя юный ум развивается и познает, а духовный горизонт расширяется, так остается надолго. Устойчивость, незыблемость однажды приобретенных представлений – одна из важных особенностей его личности. Тем более важно проследить процесс формирования мировоззрения юного де Голля.

Отцы-иезуиты не преуспели в обуздании характера Шарля. Надежды на то, что коллеж упорядочит, смирит, дисциплинирует его, не оправдались. Мальчик обнаружил весьма неподатливую натуру. Речь не идет о том, что он отвергал глубоко консервативную, а точнее, реакционную идейную сущность образования, даваемого иезуитским коллежем. Иного идейного мира он просто не знал и не мог даже вообразить возможной альтернативы тому изощренному мракобесию, которое иезуиты выдавали за божественное откровение. Не вызвала протеста и религиозная сторона – обязательные мессы, молитвы до и после занятий, занятие апологетикой, катехизисом, духовным чтением и прочими благочестивыми «науками» и Церемониями. Религия уже стала для него привычкой; и, отнюдь не обладая фанатизмом в вере, он выполнял все положенное, подобно умыванию по утрам.

Дело состояло в том, что система мелочной дотошной регламентации, не обоснованной никакой логикой, необходимость безропотного подчинения всему, что предписано, оказались для него непереносимыми.

Стать «трупом в руках начальства» Шарль де Голль не мог. Его натура отвергала необходимость пассивного повиновения, во всяком случае для него самого. И он сохранит свой

характер, побуждавший его в наиболее значительные моменты жизни проявлять именно активное неповиновение, что и сделает его человеком выдающимся.

Шарль возмущался принудительными школьными порядками. Часто ему указывали на его недисциплинированность, на небрежность в занятиях. Много лет спустя, будучи президентом Республики, генерал неожиданно признался своим внукам и внучатым племянникам: «В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому примеру не следует подражать!»

Он отнюдь не был ленивым и проявлял исключительное прилежание, но лишь тогда, когда делал то, что ему нравилось, что волновало его воображение. Но вот, например, уроки немецкого языка вызывали у него отвращение. Родители пытались всеми способами утихомирить его причудливую натуру. Так, мать настояла, чтобы он брал уроки фортепьяно у мадемуазель Монтей. Но результаты оказались более чем посредственными. «Шарль очень беспокоит меня, – говорил его отец, – он весьма способный и далеко пойдет, но ему так не хватает умеренности и здравого смысла... Боже! Сделай так, чтобы все было хорошо...»

Впрочем, родительские опасения оказались напрасными. Вскоре Шарль начинает соперничать со старшим братом Ксавье, успехи которого ему постоянно ставили в пример. Природная одаренность брала свое. К тому же семья воспитала в нем вкус к культуре. Он с удовольствием слушает по вечерам отца, читавшего Расина или Сенеку, хотя в те годы он отдавал предпочтение Ростану. Он выучил наизусть всю пьесу «Сирано де Бержерак».

Трон и алтарь, сабля и кропило – вот идеалы, стоявшие в центре обучения в коллеже Непорочного зачатия. Однако воспитанникам давали основательные знания античной и классической французской литературы. Разумеется, усвоение латинской культуры мало способствовало пониманию окружающей действительности. Но несомненно, что Шарль де Голль получил серьезную литературную подготовку на традиционной классической базе. На всю жизнь он сохранит тот стиль речи, языка, который он приобрел в детстве. Его выступления всегда будут отличаться цicerоновским стилем, своеобразным эпическим характером, так же как и краткостью, ясностью, четкостью терминов. В сочетании со смелостью лексикона, образностью мышления все это поможет ему выработать эффектное и одновременно доходчивое красноречие.

Вкус к литературе не только пробуждает в нем не ослабевавшую никогда страсть к чтению, но и стремление испытать свои силы на соблазнительном литературном поприще. Увидев в одном журнале объявление о литературном конкурсе, он пишет, естественно в стиле Ростана, небольшую пьесу в стихах «Дурные встречи». Говорили, что ее довольно банальное содержание заимствовано у известного шансонье Гюстава Надо. Во всяком случае, ему присуждают первую премию: он мог по своему выбору либо получить 25 франков, либо опубликовать свое произведение. Юный литератор предпочел публикацию. К чести начинающего автора следует отметить, что в дальнейшем он не пытался писать стихи.

Навсегда сохранившиеся у него литературные наклонности все же отступают на второй план перед рано пробудившимся интересом к истории. Если литература способствовала приобретению де Голлем формы, манеры, стиля в выражении мыслей и взглядов, то его мировоззрение формировалось главным образом изучением истории. Французы вообще очень любят историю и гордятся не без основания великим прошлым своей страны. Шарль де Голль отдавался изучению истории самозабвенно, забывая даже в праздничные дни ради чтения исторических книг игры, забавы и развлечения. Эта страсть зародилась еще в кругу семьи. В школе история становится любимым предметом Шарля де Голля, и он приобретает обширные исторические познания, хотя и довольно односторонние. Ведь историю в коллеже иезуитов преподавали так, что она состояла исключительно из перечисления войн, сражений, описания деяний полководцев и королей. «Сорок королей создали Францию» – этот знаменитый принцип определял сущность той философии истории, которую внушали воспитанникам коллежа. В

этой истории не оставалось места для народных масс, для борьбы классов. Над всем царили божественное провидение и гений властителей.

Но даже из такого архаичного и консервативного изложения истории Шарль де Голль постепенно извлекает идею, которая помогает ему выработать цельное мировоззрение, основанное на абсолютном приоритете национального фактора. Нация в его представлении служит извечным элементом жизни, сохраняющимся в неприкосновенности под покровом меняющейся действительности.

В представлении де Голля время как бы течет обратно, к прошлому. Конечно, это странное понимание истории, хотя иногда возвращение к прошлому может означать движение вперед. Он проникался сознанием, что высшей целью истории, ее смыслом и содержанием является существование и укрепление французской нации. Все должно служить величию Франции. Молодой де Голль приходит к твердому убеждению, что этому должна быть подчинена и его собственная жизнь. «Еще в коллеже он знал, – скажет через много лет его младший брат Пьер, – что ему предстоит спасти Францию...»

Вот так молодой человек XX века осваивал культуру, состоявшую из понятий и представлений XVIII столетия. Франция, к которой устремлялись все его помыслы, в его сознании была застывшей социальной формой, тогда как в действительности она в эти годы представляла собой бурно клокочущий, кипящий котел ожесточенных политических страстей. В первом десятилетии XX века снова усилилась классовая борьба между буржуазией и пролетариатом. Забастовки не прекращались. Мостовые промышленных городов Франции все чаще обгаивались кровью пролетариев. Каждые выборы неизменно увеличивали число социалистических депутатов в парламенте. Левобуржуазные партии, и прежде всего радикалы, завоевывали большинство мест в парламенте. Правые, клерикалы и монархисты теряли влияние. Эти три главных политических течения сталкивались в ожесточенной борьбе за власть. Правительства быстро сменяли одно другое. Парламент превратился в арену непрерывных политических схваток. Ни одна из политических партий не была единой, и внутри них соперничали левые, правые, умеренные и крайние. Это была одна из самых драматических страниц политической истории Франции, раздираемой непримиримыми классовыми противоречиями.

Вспоминая годы юности, Шарль де Голль писал об этом времени: «Меня интересовала и вместе с тем возмущала драма, непрерывно разыгрывавшаяся на арене политической борьбы. Я восторгался умом, энтузиазмом и красноречием участников этой драмы. В то же время меня удручало, что столько талантов бессмысленно растрчивалось в результате политического хаоса и внутренних распрей, тем более что в начале XX века стали появляться первые предвестники войны».

Бурная политическая жизнь Франции казалась молодому де Голлю бессмысленной, поскольку для него смысл политики сводился лишь к идее единства нации, которая в действительности совершенно не соответствовала реальной структуре общества. Как ни благотворна эта идея в исключительные моменты внешней опасности, она не могла, конечно, отменить суровую неизбежность глубокого раскола французской нации на антагонистические социальные классы и группы. Де Голль всегда с возмущением, притом совершенно искренним, думал о том, как все было бы ясно и просто, если бы «демоны» яростных внутренних раздоров и «злой дух» раскола не ослабляли Францию! Он до конца своих дней будет возмущаться таким противоестественным, по его мнению, положением. Его негодование вызывают все проявления «раскола», кто бы ни был их инициатором: правые или левые. Ему казалось, что он сохраняет политический нейтралитет и стоит выше распрей. Это была лишь иллюзия. Под знаменем национализма неизменно выступали правые. И это столь близкое сердцу де Голля знамя влекло его к ним. Между тем социалисты провозглашали идею интернационализма, представлявшую де Голлю уже в юные годы чемто граничащим с национальной изменой. Так крайняя приверженность к патриотическому идеалу нации, прочно усвоенному де Голлем с детства,

неизменно вела его в правый, консервативный, реакционный лагерь. Однако она не заводила его настолько далеко, чтобы утратить чувство реальности. Он не симпатизировал крайним клерикалам и монархистам, все еще слепо надеявшимся на восстановление монархии и всевластия церкви. Однажды мать де Голля, слушая, как хвалят ее сыновей, с грустью заметила: «По правде говоря, я сама нахожу у них прекрасные качества... Несмотря на это, они заставляют меня страдать... Они республиканцы...» Молодой де Голль рано понял иллюзорный характер монархических надежд своих родителей и поверил в прочность республиканского строя. Правда, ему хотелось, чтобы Республика была иной: единой, сохраняющей традиционные устои в виде церкви и армии; словом, Республика, в которой царил бы «порядок». Поэтому его отнюдь не радовали успехи демократов и республиканцев в борьбе с клерикальной реакцией. Тем более что события такого рода непосредственно затрагивали его личную судьбу.

Сен-Сир

Уныние воцарилось в семье Анри де Голля в один из июльских дней 1904 года. Случилось то, чего здесь с тревогой ждали уже несколько лет: парламент принял закон, запрещавший религиозным конгрегациям преподавание в школах. До сих пор еще была какая-то надежда, что сопротивление церкви антиклерикальному законодательству увенчается успехом. Святые отцы разжигали яростный фанатизм и поднимали шумное движение в защиту «свободной» школы. В самых отсталых департаментах, вроде Финистера, дело доходило до вооруженных схваток между одурманенными католиками и полицией, изгонявшей монахов из школ. Но основная масса населения не поддержала «черную партию». И вот теперь закрытие иезуитского коллежа Непорочного зачатия, как и других заведений подобного рода, было лишь вопросом времени. Где же будут учиться Шарль и его три брата? Более того, благополучие всей семьи оказалось в опасности: ведь ее глава в это время заведовал учебной частью коллежа на улице Вожирар.

Между тем Шарль уже успешно закончил класс риторики. Но он еще слишком молод, и ему рано сдавать экзамены на бакалавра; чтобы не терять времени, его записывают и в класс философии. Однако закончить учебу в Париже ему так и не удалось. Республика неумолима: преподавательская деятельность иезуитов отныне запрещена. Разумеется, Шарль де Голль мог бы продолжать учебу в каком-нибудь светском коллеже. Однако его родители презирают эти республиканские заведения. Отец посылает сына в 1907 году учиться за границу, в Бельгию. Сюда перебрались парижские иезуиты и основали коллеж Святого Сердца. Он разместился в Антуане, вблизи Турнэ, совсем рядом с французской границей. Шарль де Голль продолжает учебу недалеко от знаменитого поля сражения при Фонтенуа, ныне засаженного свеклой. Не так далеко отсюда и легендарные холмы Ватерлоо. Это снова привилегированное учебное заведение; многие из его учеников носят имена с дворянской приставкой и обращаются друг к другу только на «вы». Не зря коллеж занял бывший замок принца де Линя, кирпичный фасад которого возвышается над рекой Эско.

Шарль де Голль занимается в специальном математическом классе и обнаруживает большие способности к математике. Преподаватели советуют ему поступить после окончания коллежа в Политехническую школу. Но юноша, который одно время мечтал стать миссионером, уже сделал окончательный выбор своего пути. Он хочет быть офицером и намерен поступить в военное училище Сен-Сир. Отнюдь не случайно появилось у него стремление к карьере профессионального военного. Сказалось прежде всего обычное для молодого человека дворянского происхождения, воспитанного в иезуитском коллеже и в консервативной семье, предубеждение против всех республиканских институтов, кроме традиционных «устоев общества»: церкви и армии. Но такое простое объяснение далеко не исчерпывает мотивов, побудивших молодого де Голля избрать военное поприще. Этот выбор является результатом длительных размышлений о судьбе родины и своем жизненном пути, закономерным плодом его духовного развития, завершавшегося в сложной, напряженной и противоречивой интеллектуальной атмосфере Франции начала нынешнего века.

Позднее сам де Голль опишет эту атмосферу, как она представлялась ему в годы юности: «Появление Бутру и Бергсона в области философии, обновивших французскую духовную жизнь, таинственное очарование Пеги, ранняя зрелость молодежи, чувствовавшей приближение кровавой жатвы, влияние Барреса в литературе, прививавшего элите сознание вечных национальных ценностей, объединявших ее с предками...»

Собственно, в этом кратком перечислении имен, течений, явлений – ключ к пониманию духовного мира молодого де Голля, тех влияний, которым он подвергался в возрасте 15–20 лет, того образа мыслей и мироощущения, который он в основном сохранит на всю жизнь. В окружавшей его духовной среде чувствовались страх, замешательство перед крушением мно-

гих представлений: интеллектуальный кризис охватил буржуазную интеллигенцию, отражая кризис всего общества. Укоренившиеся за предшествующие десятилетия взгляды механистического материализма, особенно ярко отразившиеся в различных течениях философии позитивизма, терпели банкротство перед лицом новейших открытий в физике, биологии, психологии и других науках. Прежнее почтение перед ними сменилось глубоким разочарованием, скептицизмом, бегством в мир иррационального, мистического, теологического представления о жизни, обращением к самым отсталым, устаревшим, реакционным политическим идеям. Только марксистский диалектический материализм оказался способным объяснить сущность мнимого «всеобщего» духовного кризиса и показать, что это кризис лишь буржуазной мысли, отражающий загнивание капитализма, вступившего в эпоху своего окончательного распада. Но идеи марксистов для той среды, где воспитывался де Голль, оставались книгой за семью печатями. Здесь выхода из кризиса искали не путем более глубокого познания действительности, а удалением от нее, вернее извращением этой действительности в интересах господствующих социальных сил. Классовый страх выражался в клевете на науку.

Эмиль Бутру, первый, кого упомянул де Голль среди своих духовных наставников, развивал теории о случайности, несовершенстве, недолговечности законов природы. Бутру пытался согласовать развитие науки с идеализмом, с решающим значением духовного начала.

Однако несравненно большее воздействие на де Голля имела философская теория Анри Бергсона, считавшегося одно время учеником Бутру, но ушедшего значительно дальше своего учителя. Очень трудно ответить на вопрос: куда он ушел, в каком направлении? Теории Бергсона крайне сложны и противоречивы. В них есть положения, близкие к пониманию объективной диалектики жизни. Но еще больше у Бергсона идеалистических взглядов. Эклектичность бергсонизма позволяла интерпретировать его поразному в зависимости от интеллектуальных и социальных склонностей.

Несомненно все же, что знакомство с Бергсоном помогло Шарлю де Голлю укрепить некоторые сильные особенности его мышления. Бергсон понимал универсальность изменчивости и трактовал процесс развития как постоянное возникновение качественно нового. Он призывал к пониманию необходимости действия, к проявлению творческой энергии. И это весьма импонировало де Голлю, который не раз цитировал, например, такое положение Бергсона: «...ни одна из категорий нашего мышления не применяется в точности к явлениям жизни. Напрасно мы стараемся втиснуть живое в ту или иную из наших рамок; все они трещат, они слишком тесны, слишком негибки, особенно для того, что мы хотели бы туда заключить. Наше рассуждение, столь уверенное, когда оно касается инертных явлений, стеснено на этой почве». Мы увидим в дальнейшем, как Шарль де Голль, не доверяя ценности каких-то старых, привычных идей, будет часто выдвигать неожиданные, смелые, оригинальные решения.

Но чем же они должны быть продиктованы? Для ответа на этот вопрос надо сказать о бергсоновской теории интуиции и разума. Бергсон считал, что интуиция намного превосходит интеллект. Де Голль всегда будет руководствоваться интуицией, принимая практические решения в ситуациях, содержащих в себе много неясного. При этом де Голль, в отличие от Бергсона, отнюдь не умалял значения интеллекта. «Нужно, – писал он, – чтобы человеческий разум приобрел интуицию, сочетая инстинкт с умом».

Склонность к бергсоновскому интуитивизму хорошо сочеталась у де Голля с его основной, генеральной идеей: с приматом понятия нации, ее величия как высшей ценности. В самом деле, разве патриотизм, как и национализм (категории отнюдь не однозначные, но все же родственные), не является порождением не только рассудка, интеллекта, но и врожденного инстинкта, чувства, интуиции?

Де Голль подпал под обаяние Бергсона – причем на всю жизнь – не в последнюю очередь, видимо, изза великолепной литературной формы произведений этого философа. Не случайно

позже Бергсону присудили Нобелевскую премию по литературе. А склонность именно к литературному, образному восприятию идей – характерная черта де Голля.

Наконец, следует сказать, что Шарль де Голль не получил какого-либо специального философского образования. Ведь нельзя же принимать всерьез класс философии в коллеже иезуитов! Что касается впечатления, производимого Бергсоном на читателей, особенно в годы юности нашего героя, то нельзя не учитывать, что весь стиль философии Бергсона с ее декларациями о свободе Духа и необходимости творчества оказался ближе всего к уровню людей, склонных «философствовать», не утруждая себя серьезным изучением философии. Возможно, именно так и обстояло дело с Шарлем де Голлем.

Однако его духовный горизонт еще далеко не очерчен. Другой звездой, излучавшей на него «таинственное очарование», было творчество знаменитого поэта и публициста Шарля Пегги. Это очень яркая, талантливая, противоречивая и сложная фигура. Пегги родился в простой крестьянской семье, фанатично преданной католической церкви, но уже в молодости оказался среди крупнейших представителей прогрессивной интеллигенции. В эпоху «дела Дрейфуса» он выступал в рядах республиканцев и социалистов против милитаристов, клерикалов и шовинистов. Пегги некоторое время был близок к Жану Жоресу и Ромену Роллану. Но затем он стал жертвой духовного кризиса, поразившего буржуазную интеллигенцию, и одним из проповедников национализма и католицизма. Если в 90х годах прошлого века он яростно выступал против Бергсона, отвергая его сомнения в ценности разума и науки, то теперь он становится страстным поклонником этого философа.

Пегги был талантливым поэтом, и под его пером даже реакционный национализм представлялся в облагороженной форме. Он страстно романтизировал прошлое Франции, особенно Жанну д'Арк, преклонялся перед солдатами Великой французской революции и гвардейцами Наполеона. Он создавал мистический, окутанный религиозным экстазом облик материи родины, романтический образ Франции с ее особой, возвышенной судьбой. Естественно, что его произведения не могли не встретить отклика в душе молодого Шарля де Голля, который был подготовлен к этому с детства, озаренного патриотической романтикой Эдмона Ростана.

Влияние Шарля Пегги ясно чувствуется во многих произведениях и выступлениях де Голля, не говоря уже о тех случаях, когда он прямо цитировал стихи любимого поэта юности. Его образы, его мысли он пронесет через всю жизнь. Их отзвук ясно слышится в первых строчках «Военных мемуаров» де Голля, которые появятся почти через полвека после описываемых лет: «За годы моей жизни я составил себе собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувствами. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжелых невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы, но не гений нации».

Поскольку сейчас речь идет о годах юности, когда де Голль определял свой жизненный путь, нельзя пройти мимо одной из сторон творчества Пегги – его страстного преклонения перед армией, воинской честью, военной славой Франции. Облик солдата в произведениях Пегги связан с самыми высокими идеалами и чувствами. Не зря Андре Моруа писал, что Пегги «надо читать в темпе марша его проза напоминает полковые песни». Война не только не пугала его; он мечтал о ней как о средстве возвеличения Франции.

Но еще более громким барабанным боем отдавались в сознании де Голля произведения другого талантливого писателя националистического направления – Мориса Барреса. В отличие от Пегги, он уже в период «дела Дрейфуса» прочно стоял в строю крайней реакции. Но, подобно первому, он в изощренной литературной форме придавал понятию нации мистический характер и разрабатывал националистическую доктрину воспитания патриотического

духа путем бережного сохранения исторических традиций отдельных областей Франции, особенно Лотарингии, откуда Баррес был родом. Националистический дух произведений Барреса приобретал шовинистический характер, когда он отстаивал идею реваншистской войны против наследственного врага – Германии.

Идейное влияние Барреса на де Голля оказалось не менее сильным и в сфере внутренней политики, в которой Баррес, будучи депутатом, активно участвовал. Он беспощадно и справедливо бичевал разлагавшийся парламентский строй Третьей республики, коррупцию, политиканство и цинизм правящей элиты. Но его антипарламентаризм носил реакционный характер, поскольку он мечтал заменить тогдашний строй хотя и не монархией, но какой-либо формой республиканской «сильной власти», националистической диктатурой.

Позднее один из самых компетентных биографов де Голля, Жан Раймон Турну, приводя высказывание Барреса, в котором концентрируется его политическая философия, о том, что «национализм правит вселенной», подчеркнет: «Это очень точно соответствует мыслям генерала».

В дни молодости де Голля кроме Бергсона, Пеги, Барреса и другие духовные кумиры кружили головы буржуазной молодежи. Среди них надо назвать хотя бы Шарля Морраса, шумно и претенциозно рекламировавшего свой «интегральный национализм». Многие взгляды Морраса совпадали с идеалами, уже приобретенными тогда де Голлем. Однако он совсем не разделял, хотя и не без сожаления, убеждения Морраса в жизненной необходимости для интересов Франции восстановления монархии. Де Голль понимал, что этот архаичный роялизм еще больше углубит внутренние конфликты французского общества. К тому же в своей ненависти к демократии Моррас доходил до крайних эксцессов мракобесия, которое компрометировало националистическую идею. В будущем Моррас закономерно окажется официальным философом Петэна, то есть во враждебном де Голлю лагере. Тогда же генерал и бросит фразу: «Моррас имел столько ума, что стал сумасшедшим». Но как бы там ни было, нельзя не отметить сходства некоторых политических идей де Голля со взглядами Морраса, с его предпочтением политики и волюнтаризма.

Между прочим, позднее, выпустив свою первую книгу «Раздор в стане врага», де Голль пошлет ему экземпляр с дарственной надписью: «Шарлю Моррасу с почтительным уважением—24 марта 1924 – Ш. де Голль».

В связи с влиянием Шарля Пеги, Мориса Барреса и других писателей, вдохновлявшихся патриотическими идеалами, говорят, что на военное поприще де Голля звала поэзия, а не военная труба грубого шовинизма. Действительно, де Голль далек от вульгарношовинистических, расистских взглядов «Лиги патриотов», возглавлявшейся полупомешанным фанатиком Полем Деруледом, самым крайним из всех поборников реваншистской войны. Нет, его идея нации, родины посвоему возвышенна и поэтична. И он искренне верит в нее, как и в то, что во Франции именно армия больше всего хранит и культивирует столь дорогие его сердцу традиции прошлого. Но все это не только не исключает, но, напротив, подчеркивает социальную обусловленность его позиции, определяющуюся происхождением, средой, воспитанием. Националисты всегда очень умело присваивали себе монополию на благородство, бескорыстие, героические доблести. Тому, что в действительности было корыстным и низким соперничеством капиталистических государств, они придавали вид сентиментальных идеологических конфликтов.

Конечно, де Голль по своим взглядам стоит выше примитивного шовинизма «Лиги патриотов». Но не заключается ли вся разница в уровне образованности, в том, что он принадлежал лишь к интеллигентной части буржуазии, обладавшей более или менее высокой культурой? К тому же он воспринял исключительно консервативный, реакционный ее аспект. А ведь в годы молодости Шарля де Голля французскую культуру блестяще представляли, например, и такие люди прогресса, как Жан Жорес в политике, Ромен Роллан и Анатолий Франс в литературе. Они были ничуть не меньшими патриотами, чем Пеги или Баррес. Однако их патриотизм

носил прогрессивный, гуманный, народный характер. Он сочетался с действительно благородными стремлениями к справедливому социальному переустройству французского общества. Не поэтому ли они и оказались бесконечно далекими от того пути духовного развития, каким шел де Голль и многие молодые люди его возраста, выросшие и воспитанные в буржуазном окружении? А среди них уже глубоко укоренились настроения и взгляды, неуклонно развивавшиеся после франкопрусской войны и теперь резко усилившиеся в связи с возрождением мощи Франции и угрозой новой войны в Европе, особенно ощутимой на фоне непрерывных конфликтов во франкогерманских отношениях.

Ромен Роллан в знаменитом романе «Жан Кристоф» прекрасно показал развитие националистических и милитаристских настроений среди тогдашней буржуазной молодежи Франции. Он пишет: «Этим детям, знавшим войну только по книгам, ничего не стоило приписать ей несвойственную красоту. Они стали агрессивными. Пресытившись миром и отвлеченными идеями, они прославляли «наковальню сражений», на которой им предстояло окровавленным кулаком выковать когданибудь французское могущество».

Ромен Роллан был великим реалистом и в своих произведениях создавал типичные образы и ситуации. И это подтверждает, в частности, пример де Голля. Вот что он пишет в мемуарах, вспоминая молодость: «Должен сказать, что в ранней юности война не внушала мне никакого ужаса и я превозносил то, чего мне еще не пришлось испытать. Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что интерес жизни состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность».

...Летом 1908 года, успешно закончив в Бельгии коллеж Святого Сердца, Шарль де Голль возвращается в Париж. Его решение стать офицером было одобрено родителями, так же как и выбор военного учебного заведения. Специальная военная школа СенСир, наравне с Политехнической школой, открывала свои двери далеко не всем. Здесь, как и раньше, воспитываются сыновья «приличных семейств», прежде всего дворянских. Другие военные школы, вроде СенМексанской и Сомюрской, предназначались для выходцев из мелкой буржуазии. Молодому человеку, окончившему СенСир, уже одно только это обстоятельство открывало путь к успешной карьере. Поэтому поступить туда было не такто просто. Но отец Шарля де Голля был спокоен за своего сына. Иезуиты издавна контролировали набор в СенСир; туда попадали почти исключительно их воспитанники, составлявшие потом элиту армии. Правда, сейчас иезуиты официально изгнаны. Но тайно, обходными путями они сохраняли свое влияние. Поэтому Шарль де Голль не удивился, когда, войдя в подготовительный для поступления в СенСир класс коллежа Святого Станислава, он встретил среди преподавателей людей, хорошо знакомых ему по учебе в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Здесь и его отец заведует учебной частью.

А через год, в августе 1909 года, Шарль де Голль успешно сдает вступительные экзамены в СенСир. Для него эти экзамены, о трудности которых ходили легенды, оказались легкими. Но не потому, что у него была хорошая учебная подготовка. Дело здесь заключалось кое в чем другом. Еще до экзаменов надо было пройти специальную комиссию, составленную из офицеров и, как правило, бывших воспитанников иезуитов. Комиссия определяла «общую пригодность», которая зависела от происхождения, семейных связей, репутации. Только «благонадежные», только «благонамеренные» могли успешно пройти испытание. Это был хорошо налаженный механизм социального отбора, который обеспечивал безупречную реакционность офицерской касты. Данные Шарля де Голля позволяли без труда обнаружить «общую пригодность», и его приняли.

Итак, мечта сбылась! Открыт путь в армию – великую носительницу национальной чести и славы!

Так и думали многие из тех счастливых, которые, подобно де Голлю, оказались принятыми в СенСир. Все это была отборная молодежь, с точки зрения шовинистовреакционеров. Среди них раздавались речи, подобные тем, которые вкладывал в уста одного своего литературного героя, молодого офицерадворянина Поль Бурже, писательшовинист, подобно Морису Барресу, прославлявший войну: «В настоящее время во Франции для человека нашего положения существует только одна достойная карьера: военная... До тех пор пока наша страна будет в руках всякой сволочи и пока остается задача побить Германию, наше место в единственном незапятнанном уголке, который еще остался: в армии...»

В действительности в «незапятнанном уголке» просто уже не было места для пятен; то была сплошная грязь. Почти век после Наполеона французская армия не одерживала каких-либо действительно славных побед. Зато бессмысленных кровавых преступлений и авантюр накопилось на ее счету немало. Несмываемым пятном лежало на ней позорное поражение в войне 1870 года, символизируемое словом «Седан». А потом кровавая чудовищная расправа над парижскими патриотамикоммунарками сделала армию палачом народа. Правда, было захвачено немало колоний в результате «побед» над безоружными туземцами. «Дело Дрейфуса» раскрыло гнусную картину разложения военной верхушки. Армия брала реванш лишь в уличных столкновениях с французскими рабочими. Традиционное для Франции обожание армии, мундира, знамени сменилось недоверием и презрением. Не случайно в конце века ежегодное число кандидатов в СенСир составляло около 2000, а в 1908 году их было только 700. Немногие, подобно Шарлю де Голлю, сохранили веру и надежду. «Когда я поступил на военную службу, – вспоминает он, – армия занимала очень большое место в жизни народов. Подвергаясь нападкам и оскорблениям, она спокойно и с тайной надеждой ждала, что настанут дни, когда все будет зависеть от нее».

А в ожидании этих дней ему второй раз в жизни пришлось на своей личной судьбе почувствовать неудобства республиканской демократии. В первый раз изза изгнания иезуитов ему пришлось заканчивать коллеж в Бельгии. Теперь предстояло новое неприятное испытание. В марте 1905 года республиканцы, чтобы както заполнить пропасть, разделявшую во французской армии офицерскую касту и массу рядовых солдат, добились принятия закона, по которому каждый молодой человек, принятый в СенСир, обязан в течение года служить рядовым солдатом.

Де Голль считает весьма сомнительной систему, согласно которой, чтобы научиться командовать, надо научиться подчиняться. Он более склонен к мысли о том, что судьба надеяет каждого достойной его участью. Поэтому он ненавидит предстоящее испытание и отрицает его разумность. Но у него есть и сознание необходимости подчиняться неизбежному.

И вот Шарль де Голль снова на севере, в старинном городке Аррасе, ныне центре департамента ПадеКале, служит солдатом в 33м пехотном полку. Этот долговязый пехотинец, затянутый в форму, с тяжелой винтовкой Лебеля в руках, безропотно, но угрюмо выполняет свой долг. Караулы, учения, строевая подготовка, подметание обширного двора и тяжелая, непривычная обстановка мрачной казармы. Незнакомые, грубые и простые люди, с их мечтами о воскресном отпуске и бутылке картофельной водки, сальные шутки, брань, грубость сержантов, непривычная солдатская еда; словом, все, что полагается в провинциальном гарнизоне.

В немногие свободные минуты досуга рядовой Шарль де Голль мог утешаться чтением одного из своих любимых авторов – знаменитого Альфреда де Виньи, так проникновенно писавшего об участии солдата. Ведь произведения этого страстного проповедника любви к воинской славе, воспевавшего высокие понятия чести и доблести, оказали немалое влияние на решение Шарля де Голля пойти в армию. Но сейчас внимание молодого пехотинца привлекают больше те места в книге де Виньи «Неволя и величие солдата», где он, человек военный до глубины души, высказывает суровые истины о солдатском ремесле: «Армия есть нация в Нации: это одно из зол нашего времени... это как бы живое существо, отторгнутое от большого

тела Нации, а существо это похоже на ребенка, до такой степени не развит его ум, до такой степени ему запрещено развиваться. Современная армия, стоит ей вернуться с войны, считается чемто вроде жандармерии. Она как бы стыдится собственного существования и не ведаёт ни того, что творит, ни того, чем она является в действительности».

Разве это могло не зародить семена сомнений, которые неизбежно прорастут в будущем? Молодой человек со смешанным чувством соглашается с тем, что солдат – «самый горестный пережиток варварства среди людей, но что вместе с тем нет ничего более достойного заботы и любви со стороны Нации, чем эта семья обреченных, приносящая ей порою такую славу».

Но вот и место, которое больше всего необходимо ему было в его положении: «Все то возвышенное, что может внести благоразумный человек в ремесло солдата, заключается, как мне кажется, не столько в ратной славе, сколько в умении достойно и безропотно переносить лишения и неуклонно выполнять свои обязанности, подчас ненавистные».

Альфред де Виньи надолго останется одним из любимых авторов де Голля, и он будет его цитировать, если даже и не учиться у него... Но в тот момент речь шла лишь о том, чтобы пройти через испытание, что ему и удастся. К тому же его участь в конце концов оказалась не такой уж тяжелой. Ведь на рукаве у него была особая нашивка, свидетельствующая, что он – кандидат в офицеры и в казарме временный гость. Таких, как он, во многом приравнивали к унтер-офицерам, поэтому служилось им значительно легче, чем простым солдатам. А главное, впереди желанное будущее. И хотя Шарль де Голль держится еще более отчужденно и надменно, чем всегда, свои скромные обязанности он выполняет подчеркнуто безупречно. Его начальство спрашивали, почему образцовое поведение солдата не отметят повышением? На это капитан Тюньи отвечал: «Неужели вы хотите, чтобы я назначил сержантом парня, который находит для себя подходящей роль главнокомандующего?»

Капитан знал, о чем говорил. Хотя его солдат, а вернее стажер, старательно нес службу рядового, вряд ли он мечтал лишь о сержантских нашивках. В Аррасе Шарль де Голль вновь ощутил столь опьянявшее его дуновение истории. Когдато этот город осаждал Ришелье. Потом Тюренн победил здесь великого Конде, воевавшего тогда вместе с испанцами против французского короля. Многие другие напоминали в Аррасе о прошлом и давали де Голлю пищу для размышлений. Он значительно меньше думал о жизни современной Франции, чем о ее истории. Да и как могло быть иначе, если стены казармы прочно ограждали солдат Республики от всего, что волновало страну. Им не рекомендовалось читать газеты. Если бы офицер увидел в руках у рядового социалистическую «Юманите» Жореса, это произвело бы эффект разорвавшейся бомбы. Правда, чтение шовинистической «Аксон франсэз» Морраса, конечно, не запрещалось.

А как же жила Франция? Еще в конце 1905 года окончательно прошел закон об отделении церкви от государства. Постепенно затихал шум схваток вокруг изгнания религиозных конгрегаций. По выражению одного из красноречивых министров, небесные огни, отвлекавшие внимание тружеников от земных дел, окончательно погасли.

Но зато огонь битвы между рабочим классом и капитализмом полыхал все ярче. Только в 1909 году, в том самом, когда Шарль де Голль поступал в СенСир, во Франции произошло 1025 забастовок. Классовая борьба превращалась в гражданскую войну. Солдат все чаще выводили из казарм, заставляя стрелять в рабочих. Правда, летом 1907 года солдаты одного из полков французской армии повернули оружие в другую сторону. Но об этом в казармах не осмеливались говорить даже шепотом. Здесь многое представлялось иначе, чем в жизни. Забастовки рабочих почт или железных дорог солдатам объясняли происками иностранных шпионов. Кстати, в начале октября 1910 года, когда Шарль де Голль, окончив свою солдатскую службу, отправлялся в СенСир, разразилась всеобщая забастовка железнодорожников. Началась она именно на северных дорогах, которые связывали Аррас с Парижем. Не хватало только того, чтобы он опоздал явиться к указанному сроку! Судьба уберегла его от этой неприятности;

ведь в далеком будущем на его долю и так выпадет много злоключений изза этих «бесмысленных» забастовок.

Итак, в октябре 1910 года он уже полноправный «сирар»: так на военном жаргоне называли сенсирцев. В то время, как свидетельствует его портрет, Шарль де Голль в свои без малого 20 лет был великолепен. Красивый мундир с блестящими пуговицами и бляхой на поясе облегает его длинное и тогда еще очень стройное тело. На плечах роскошные красные эполеты. Шея стянута высоким воротником с золотым шитьем. На голове (как полагалось, остриженной под машинку) блестящая каска с пышным белокрасным плюмажем. Руки в белых перчатках уверенно опираются на эфес сабли. В его прямом взгляде уверенность и твердость.

А вот он в строю с винтовкой на плече. Он стоит в первом ряду первого взвода, первый справа. Ведь мальчик, который десять лет назад был маленьким восторженным зрителем «Орленка», теперь достигает почти двух метров роста! Когда раздается команда «Равняйся!», только он остается неподвижным; все остальные в шеренге мгновенно поворачивают головы и устремляют глаза на его профиль. Когда строй марширует, от него – правофлангового – зависит четкость и точность движения. Не вспомнил ли он опять о своей особой, «счастливой звезде»?

Впрочем, «двухметровый Шарль», как его сразу прозвали, совсем свой парень, не правда ли? Так говорили его товарищи. В самом деле, спрятав свою холодную гордость, он безропотно подчиняется цуканью, или, как говорят французы, «бизютажу». Эту процедуру «старика» проделывают с каждым новичком в любом учебном заведении Франции до сих пор. Что они придумали для него? Стоило взглянуть на его весьма выдающийся нос...

Конечно, его заставили забраться на стол и продекламировать знаменитый монолог о носах из «Сирано де Бержерака». Зная Ростана наизусть, он, ни разу не споткнувшись, прочитал этот длинный текст. Изпод самого потолка раздавалось: «Пик, мыс, утес – нет, полуостров целый...»

Теперь он получает еще и прозвище Сирано. Неужели он меняется и обнаруживает веселый и открытый характер знаменитого героя Ростана? Иногда казалось, что это так, поскольку он не отставал от других в мальчишеских проделках. В одном из самодеятельных спектаклей он с успехом играет роль жениха на деревенской свадьбе, что и зафиксировал сохранившийся снимок. В другой раз ему поручают роль клоуна. Что ж, в дальнейшей жизни ему придется играть и не такие роли... В конце концов, многие скоро поняли, что это лишь сознательная дань товариществу. Его надменный характер, замкнутый и заносчивый, не мог не проявиться, чем он и заслужил еще одно прозвище: Петух.

Учебная программа и распорядок дня в сенсирской школе были довольно напряженными. Аудиторные занятия по военной истории, географии, топографии, администрации и праву, фортификации и артиллерии сочетались с практикой в поле, с усиленной физической подготовкой, фехтование, гимнастика, верховая езда, стрельба в тире, конечно, неизменные (а кое для кого и «низменные») обязанности по чистке оружия, обмундирования, обуви, уборке. От утренней трубы до отбоя все рассчитано. Правда, были и «окна»: свободные часдва. Шарль де Голль, как всегда, много читает или отправляется на прогулку с друзьями. Вернее, это не друзья, а собеседники. С юности и до конца дней своих он будет близок только с самим собой. У него не было какихлибо особых контактов с учившимися вместе с ним будущими маршалом Жуэном и генералом Бетуаром, судьба которых соприкоснется через много лет с его жизнью. Более или менее постоянными его спутниками оказались Сийес, Меннера и Дит. Рассуждая и споря, молодые люди гуляют под кленами и вязами около СенСирЭколь, как называлось местечко, расположенное недалеко от Версаля. Они идут мимо старинного павильона, где некогда Людовик XIV встречался со своей фавориткой маркизой де Ментенон, основавшей в 1686 году в СенСире школу для дворянских девиц, в помещении которой при Наполеоне разместилось военное училище.

Поводов для бесед было достаточно. Не оченьто подготовленные к тому, чтобы понять существо новых политических конфликтов, раздиравших Францию, они с горечью осуждали республиканских политиков, суетившихся вокруг формирования без конца сменявших друг друга кабинетов. Они негодовали по поводу антимилитаристской пропаганды социалистов, о которой могли иметь лишь весьма искаженное представление под влиянием националистических газет, приравнивавших интернационализм к национальной измене.

Разумеется, военные вопросы оказались особенно близки будущим офицерам. Угроза войны становилась все ощутимее. Европа уже раскололась на враждебные военные коалиции – страны Антанты, то есть Франция, Англия, Россия, с одной стороны, Германия, Австро-Венгрия, Италия – с другой. Оба лагеря усиленно вооружались, готовясь к войне за передел мира. Особенно громко бряцала оружием кайзеровская Германия. Считая себя обделенным при разделе колоний, германский империализм алчно взирал на соседнюю Францию, сумевшую, несмотря на разгром 1870 года, создать огромную колониальную империю. Как раз в первое десятилетие XX века Франция боролась за господство над Марокко.

1 июля 1911 года в гавань марокканского порта Агадир внезапно вошла германская канонерская лодка «Пантера», а вскоре вместо маленького судна появилась грозная тень крейсера «Берлин». Германская пресса горячо приветствовала эту операцию. «Ура! Мы действуем!» – писала одна из газет. В воздухе запахло порохом. Однако до войны дело не дошло, поскольку еще не все державы Антанты подготовились к ней. Но все понимали, что это лишь отсрочка. Агадирский кризис раскрыл глаза на близость войны даже крайним оптимистам.

Шарль де Голль, как и большинство его товарищей по СенСиру, не испытывал страха перед войной. Эти молодые националисты мечтали о том времени, когда победоносная Франция отвоеует Эльзас и Лотарингию, расширит свою территорию до естественной границы – Рейна, увеличит свое колониальное могущество, превратится силой своего оружия в самую могущественную державу Европы. Вопрос для них заключался главным образом в том, каким должно быть это оружие, как должна быть организована и оснащена французская армия. Будущие офицеры спорили в первую очередь о роли тех или иных родов войск, о новой военной технике, о разных проектах реформы французской армии. Горячие дебаты вызвало, например, утверждение генерала Жоффра: «Авиация? Это спорт. Для армии она представляет ноль!»

1 октября 1912 года Шарль де Голль закончил СенСир, получив звание младшего лейтенанта. Своими успехами он завоевал 15е место в выпуске, состоявшем из 211 человек, что было весьма почетно. Но изза своего характера он уже приобрел недоброжелателей. Один из преподавателей дал ему такую характеристику: «Отличается средними данными во всех отношениях, за исключением роста». По иронии судьбы будущий крупнейший политический деятель Франции XX века при получении офицерского звания дал традиционную клятву, что он никогда не будет заниматься политикой.

Лучшим выпускникам СенСира предоставлялось право выбора назначения. Шарль де Голль также получил это право, и перед ним встал вопрос: где начать свою службу? Наибольшим престижем традиционно пользовалась кавалерия, а на самом последнем месте, как и везде, стояла многострадальная пехота. И вот, как ни странно на первый взгляд, наш младший лейтенант выбрал именно неблагодарную часть пехотинца. Более того, он решил служить в том же 33м пехотном полку в Аррасе, где он проходил солдатскую муштровку. Но неожиданностью своих поступков Шарль де Голль будет удивлять всегда. Однако его решение было не таким необдуманным, как это могло показаться на первый взгляд. Эффектная кавалерия в эпоху массового применения пулеметов неизбежно теряла свою былую славу, артиллерия же считалась во Франции своего рода вспомогательным родом войск, а пехота оставалась главной ударной силой, призванной свершать те действительно великие подвиги, о которых мечтал Шарль де Голль. Были, правда, еще и особенно модные флот и зарождавшаяся авиация. Но для службы в них требовалась специальная сложная подготовка.

Уроженца Лилля, связанного с севером происхождением матери и бабки, тянуло к местам, где он решил служить. По своему характеру, темпераменту он близок традициям, духу жителей северных провинций, резко отличавшихся от южан. Шарль де Голль жил под обаянием истории Франции, в основном истории военной, а ведь именно на севере происходили великие сражения, которые он знал так, будто сам в них участвовал. Он был убежден, что предстоящие вскоре битвы неизбежно развернутся здесь.

Наконец, Шарль де Голль не мог не знать, что командиром 33го полка назначен полковник Филипп Петэн, известный в армии не только строптивым характером и трениями с начальством, что сказывалось на его карьере, но также критическим отношением к официальной военной доктрине. Петэн был крайне консервативен. Не считаясь с новым законом отделения церкви от государства, он открыто поощрял офицеров, регулярно посещавших мессу. Во всяком случае он сумел приобрести репутацию умного, энергичного, требовательного командира, у которого можно научиться воинскому ремеслу.

И вот свежеиспеченный юный офицер, блестя новенькими эполетами, докладывает своему полковнику о прибытии к месту службы. 22летний младший лейтенант очень высокого роста с черными глазами и 56летний полковник, встретивший его ироническим взглядом блеклоголубых глаз, впервые стоят лицом к лицу. Люди столь разные по чинам и возрасту тем не менее обнаружили взаимную склонность. Судьба де Голля долгое время будет связана с Петэном...

Молодой офицер, которому предстояло многие годы служить под началом тогда полковника, а потом и маршала Петэна, будет испытывать большое уважение к своему патрону. Интересно, что даже после позорного конца Петэна, ставшего предателем Франции, де Голль сохранит что-то от этого чувства. В своих мемуарах он напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника».

Итак, де Голль вступил в самостоятельную жизнь. Однако нельзя сказать, чтобы его воспитание закончилось. Офицерская служба усиливает и углубляет некоторые черты его характера. Профессиональные военные составляют особый мир не только по отношению к нации, но даже по отношению переменного состава армии: призывников – солдат и офицеров резерва. В то время кастовый дух был исключительно силен во французской армии, сохранившей в основных чертах структуру и традиции монархической армии, несмотря на многократные попытки Республики демократизировать ее. Если роль церкви удалось резко ограничить, то этот институт старого режима оказался непоколебимым. Армия официально строила свою жизнь на основе закона 1832 года, принятого при ЛуиФилиппе. Даже после разоблачений в ходе «дела Дрейфуса» ничего не изменилось: армия оставалась государством в государстве. Офицерам внушалось презрение к штатским вообще, к депутатам, парламенту, правительству в особенности. Это презрение странным образом усиливалось оттого, что военные не имели избирательных прав и формально были вне политики. Но это лишь укрепляло своеобразную оппозицию офицеров ко всему гражданскому. Нетрудно заметить, насколько эта тенденция совпадала с антипарламентаризмом молодого де Голля.

Само положение профессионального командира, отдающего приказы, решающего в крайних обстоятельствах даже вопрос о жизни и смерти подчиненных, прерогативы дисциплины, не допускающей обсуждения приказов, исключаяющей право на дискуссию со стороны нижестоящих, – все это не может не усилить авторитарных сторон характера человека. А у де Голля они и без того уже были весьма заметны. Если и раньше он с трудом шел на сближение с людьми, то офицерская служба способствовала дальнейшему признанию одиночества как явления естественного. Военная служба особенно сильно деформирует человека, усиливая спесь, надменность, гордость, если он и до этого, как было в данном случае, предрасположен к проявлению подобных качеств.

Маленький чин и маленькая должность не мешали де Голлю относиться к службе с исключительным рвением и серьезностью. Унтерофицеры невзлюбили педантичного молодого командира. Они находили, что Шарль де Голль своей дотошностью только мешает им. Зато начальству нравилась такая преданность служебному долгу. В 1913 году полковник Петэн дал ему такую аттестацию: «С самого начала проявил себя в качестве действительно достойного офицера, внушающего самые большие надежды на будущее». Петэн писал тогда же: «Очень способный. Блестяще показал себя как в огневой подготовке, так и в учебных занятиях». В октябре 1913 года де Голль получает звание лейтенанта.

При этом он, как тогда, так и позже, не проявлял угодливости по отношению к начальству. Напротив, он попрежнему обнаруживает свой характер. Правда, речь не идет о какой-то безрассудной строптивости. Стоит упомянуть об одном любопытном эпизоде. Однажды полковник Петэн проводил занятия с молодыми офицерами. Он рассказывал им об осаде Арраса в 1654 году, о маневрах Конде, теснившего королевские войска, обходя Роканкур. Неожиданно юный лейтенант де Голль прервал полковника: «Но Тюренн был там и дал знать о себе громом своих пушек. Аррас был спасен!» Внешне это выглядело, конечно, бестактно, но дело в том, что Петэн давно выступал против официальной доктрины, основанной на преобладании движения, штыка и атаки, и отстаивал первостепенное значение артиллерийского огня. Поклоннику артиллерии поэтому не показалось неприятным замечание (каким бы оно ни было по форме) о решающей роли пушек. Молодой офицер обнаруживал таким образом не только самоуверенность, но и ловкость, не говоря уже об отличном знании военной истории.

Размеренная, однообразная полковая жизнь не уменьшает интеллектуальной любознательности де Голля. В его полевой сумке можно увидеть экземпляры журнала Пеги «Двухнедельные тетради». У одних это вызывает недоумение, у других – подозрительность. Ведь Пеги, даже превратившись в яркого националиста, сохраняет репутацию чужого и опасного для армии человека. Ему не могут простить близости с социалистами и особенно участия в «деле Дрейфуса» на стороне противников армии. Даже сейчас он продолжает в своем журнале печатать огромный роман антимилитариста Ромена Роллана «Жан Кристоф». В буржуазных домах Арраса, где иногда бывал лейтенант де Голль, хозяев шокирует, когда они видят в руках офицера газету «Тан», вполне умеренную и весьма буржуазную. Но здесь и эту газету считают «слишком» республиканской. В выборе чтения де Голль проявляет широту взглядов, явно необычную для людей его круга. Но они могут быть спокойны. Ведь прочитав «Новую армию» Жана Жореса, великого антимилитариста и вождя социалистической партии, он остался совершенно чужд к содержащимся в этой книге планам создания подлинно народной армии, которая могла быть мыслима только в социалистической Франции. Кстати, многое в оригинальной книге социалиста Жореса, там где он обращается к истории, совпадает с мыслями нашего непоколебимого молодого консерватора. Жорес с восхищением писал о любимых героях де Голля, о легендарных полководцах Конде, Тюренне, Карно.

Появление книги Жореса «Новая армия» в 1911 году было далеко не случайным. Великий пацифист взялся за, казалось бы, неожиданную для него военную тему, потому что эта тема прочно встала в центре всей жизни Франции. Хотя конфликт между Францией и Германией изза Марокко был как будто улажен, напряженность в отношениях двух стран не только не ослабла, но время от времени еще более усиливалась. Балканы, где одна за другой вспыхивали, как говорят теперь, локальные войны, превратились в пороховой погреб Европы. Здесь каждую минуту мог произойти взрыв.

Так, в декабре 1912 года Европа оказалась на грани всеобщей войны. В это время война Сербии, Болгарии, Греции против Турции как будто шла к концу. Константинополь оказался под угрозой, и турки согласились на перемирие. Но АвстроВенгрия продолжала проводить мобилизацию. В связи с этим Россия держала на границе с Австрией огромные силы. Русские задержали в войсках солдат, отслуживших срок, запретили экспорт лошадей. Франция еще

недавно сдержанно относилась к балканским конфликтам, но возглавлявший в этот момент французское правительство Раймон Пуанкарэ, представитель тех кругов, которые решительно вели дело к войне, испытывал сильное искушение. Французские генералы внушали ему, что если Австрия выступит против России, в защиту Турции, а русские обрушатся на Берлин, то откроется дорога на Эльзас и Лотарингию. Однако на этот раз здравый смысл взял верх. Россия твердила, что она еще не готова. Не готова была и сама Франция.

Она имела в это время под ружьем 480 тысяч человек. Но германская армия насчитывала 830 тысяч. Разница составляла 350 тысяч! Что касается подготовленных резервов, то и здесь сравнение было не в пользу Франции. И все же ее правящие круги вели дело к войне. «Сорок лет мира – это слишком много!» – кричали шовинисты. Главный политический выразитель этого курса Пуанкарэ в январе 1913 года был избран президентом Республики. А его невозможно было заподозрить в миролюбии. Когда уходивший в отставку президент Фальер покинул Елисейский дворец, некоторые слышали, как он пробормотал: «Я уступил место войне».

В марте 1913 года принимается закон об увеличении срока военной службы во Франции с двух до трех лет. Таким путем надеялись сократить разрыв в численности французской и германской армий. Однако применение нового закона увеличило бы французскую армию лишь на 157 тысяч человек. Разрыв все равно оставался очень большим. Разумеется, рассчитывали на союзников, на знаменитый британский флот и особенно на неисчислимые людские ресурсы России, на прославленную стойкость и доблесть русского солдата.

Но главным образом уповали на французскую армию, вернее, слепо верили заверениям стоявших во главе ее генералов, твердивших, что это лучшая армия, полностью подготовленная к войне вплоть до последней пуговицы у последнего солдата. Словом, происходило как раз то, что уже наблюдалось накануне франкопрусской войны. Все было забыто. И генеральская каста, полностью унаследовавшая самые архаичные из королевских и бонапартистских традиций, ревниво оберегая свои привилегии на невмешательство гражданских властей в ее дела, пользовалась слепым доверием. Порочность основных принципов ведения близкой войны бросалась в глаза многим, но любая критика только укрепляла самоуверенность верхушки армии.

Что же представляла собой французская военная доктрина, объявленная абсолютно непогрешимой? Она была основана на решающей роли кадровой армии и пренебрежении по отношению к резервам, которые должна была дать мобилизация, то есть к основной части войск. Совершенно не учитывалось, что предстояла война небывало массовых армий. В 1913 году председатель комитета пехотных войск заявил: «Идеал состроит в том, чтобы начать кампанию без резервистов». В отношении тактики все основывалось на теории наступления любой ценой, в любых условиях. В регламенте полевой службы 1913 года сознательно игнорировалась техника траншей и вообще использование местности для создания прочных позиций. Что касается военной техники, то французская доктрина открыто пренебрегала ее новинками, считая их слишком сложными. В 1909 году представитель генерального штаба заявил, что отсутствие тяжелой артиллерии – благо для армии. Накануне войны артиллерийские технические службы решительно сопротивлялись осуществлению программы организации тяжелой артиллерии. В 1910 году командующий пехотными войсками заявил, что пулеметы – пустое дело. О пренебрежении к авиации уже упоминалось...

Лейтенант Шарль де Голль и сам видел отдельные пороки в политике Генерального штаба. К тому же и полковник Петэн, авторитет которого был для него в то время непрерываем, критиковал Генеральный штаб за пренебрежение артиллерией. Даже при столь скромном положении младшего офицера де Голль смог понять коекакие тревожные обстоятельства. Он видел, что боевая подготовка солдат почти весь год ведется на казарменном плацу и только две недели в году войска учатся в поле, на маневрах. Сами по себе очень эффектные внешне, стройные колонны французских войск напоминали картину далекого прошлого. Солдаты и офицеры носили форму, почти не изменившуюся со времен второй империи; знаменитые яркочерные

штаны окажутся вскоре великолепной мишенью для немцев и их догадаются сменить уже во время войны. И ему не могла не прийти в голову крылатая фраза о том, что снова самая лучшая французская армия отстает на одну войну!

Но что стоили эти тревожные сомнения молодого лейтенанта по сравнению с воспитанной в нем твердой верой в мудрость генералитета? Возможно, он просто многого не знает? А главное – выполнить свой долг при любых обстоятельствах. В то время он вкладывал совершенно определенный смысл в это дорогое его сердцу понятие. Сущность воинского долга – дисциплина, повиновение, слепая вера. Поэтому он попрежнему не только не боится войны, но ждет ее с интуитивной надеждой на созданную его воображением особую, необычайную судьбу Франции, на ее национальный гений, на всемогущее провидение, которое пробудит у всех французов единую, всеокрушающую волю к победе.

Увы, здесь его и терзали особенно тяжкие сомнения. Хотя националистическое движение не ослабевает и, например, похороны главаря «Лиги патриотов» Поля Деруледа, умершего в январе 1914 года, превратились в огромную шовинистическую манифестацию, происходят события совсем иного рода. Закон о трехлетней военной службе вызвал сильное движение протеста. В нескольких городах на демонстрации вышли даже солдаты, недовольные тем, что по новому закону им придется служить лишний год. Могучий голос Жореса, протестовавшего против войны, гремел над всей Францией. И это не только не подрывало позиций социалистов, но, напротив, укрепляло их. На выборах весной 1914 года социалисты получили 1,5 миллиона голосов и число их представителей в парламенте возросло с 72 до 102. Социалисты решили ответить на войну всеобщей забастовкой, при условии если Интернационал примет решение о такой забастовке и в других странах, в первую очередь в Германии.

Шарль де Голль с тревогой следит за этими событиями. Неужели перед лицом смертельной национальной угрозы Франция окажется расколотой? Ведь это будет означать, что его твердое убеждение в неизмеримом превосходстве национальной идеи, интересов нации над всеми классовыми, идеологическими, политическими, религиозными разногласиями – убеждение, лежавшее в основе всего мировоззрения де Голля, ошибочно! Неужели нация не реальная движущая сила истории, как считал де Голль, а просто наследие или пережиток истории?

Но вот наступают события, которые одни лишь и могли дать ответ на вопросы, волновавшие молодого поборника абсолютного превосходства и силы национальной идеи. После убийства 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда возник небывалый общеевропейский кризис, завершившийся 3 августа началом Первой мировой войны. Произошло то, что де Голль истолковал как полное подтверждение правильности его идеи о нации как решающем и все определяющем факторе истории. Франция, которую вот уже 40 лет терзали внутренние конфликты, буквально в несколько дней и даже часов оказалась единой! Даже социалисты, после того как Жорес, единственный честный человек среди всех их лидеров, был 31 июля подло убит, немедленно стали патриотами. Возник «священный союз» всех французских политических партий. Не пришлось даже, как предполагалось, арестовывать противников войны, включенных заранее в секретный «список Б». Впрочем, социалисты других стран, и прежде всего Германии и Австрии, поступили так же и поддержали свои империалистические правительства.

Сам де Голль так описывал возникновение «священного союза»: «Франции достаточно обнажить свой меч, чтобы все противоречивые страсти слились в единстве. Из толпы индивидуумов Франция превращается в единый всеокрушающий порыв. Все, что способствует объединению – патриотизм, религиозная вера, ненависть к врагу, – сразу вдохновляется всеобщим энтузиазмом. Одновременно обнаруживается безжизненность теорий, которые, казалось, воспрепятствуют этому объединению. Не нашлось ни одной группировки, выступавшей против мобилизации. Ни один профсоюз и не подумал помешать национальному делу забастовкой. В парламенте ни один голос не был подан против кредитов на войну. Доля уклоняющихся от

военной службы, которая, как официально предполагалось, составит 13 процентов призывников, не достигла и 1,5 процента. 350 000 добровольцев осаждали мобилизационные пункты. Французы, живущие за границей, брали штурмом поезда и пароходы, чтобы присоединиться к родине. Подозрительные, включенные в «список Б», умоляли направить их в огонь. Побуждаемые чувством долга к участию в войне, изза границы явились 3000 лиц, дезертировавших в мирное время».

Да, именно так выглядела Франция в начале августа 1914 года. Наконецто ее облик оказался именно таким, каким его всегда видел в своем воображении Шарль де Голль! Несколько дней и даже, быть может, несколько недель искренний патриотический подъем действительно волновал страну. Но его вызвал не столько поистине мистический порыв, ярко описанный де Голлем, сколько многие вполне реальные причины. Присоединение социалистов к «священному союзу» явилось логическим итогом оппортунистического перерождения II Интернационала, а массовый патриотический психоз – естественным следствием многолетней националистической пропаганды, подогревавшей воспоминания о национальном унижении 1870 года. К тому же война на первый взгляд, казалось, носила оборонительный характер, поскольку непосредственно нападающей стороной в августе 1914 года была все же Германия. При этом Германия монархическая, юнкерскопрусская, что давало повод говорить о возобновлении революционной войны против феодализма. Французы тем более охотно верили в высокие и благородные цели войны, что им обещали быструю и легкую победу в результате прогулки на Берлин под звуки «Марсельезы». Словом, в первые дни августа 1914 года французы действительно с легким сердцем шли на войну и солдатские ранцы были до отказа набиты патриотической романтикой, а у Шарля де Голля был в нем еще и маршальский жезл: ведь он не забывал о своей «счастливой звезде».

Но доказывает ли национальный подъем августа 1914 года, что идея нации является движущей силой истории, что она отодвигает на второй план все социальные и политические конфликты и противоречия? В действительности война в небывалой степени обострила и углубила их. Сам де Голль позднее признал в своих мемуарах, что Франция вышла из войны «потрясенная до основания в своей социальной структуре». Конечно, мысли и чувства молодого де Голля, вызванные войной, его убеждения в высшей ценности нации отнюдь не были совершенно беспочвенными иллюзиями. Родина, нация, патриотизм – все эти понятия соответствуют реальным явлениям. Идея родины – не ложная идея. Но это идея ограниченная, далеко не охватывающая всю сложность Жизни. Кроме нее есть и другие, не менее реальные и осязаемые факторы истории. Однако Шарль де Голль предпочитал не замечать их гораздо более значительной роли.

Быть может, трагические перипетии мировой войны, перевернувшие многие привычные представления и понятия в сознании сотен миллионов людей, повлияют и на взгляды Шарля де Голля? Попробуем проследить его путь по дорогам войны, который он прошел с честью и достоинством настоящего солдата, приняв на себя нелегкую долю бедствий великой трагедии. Спустя тридцать лет, слушая рассказ своей племянницы Женевьевы о ее пребывании в одном из гитлеровских лагерей смерти, он заметил, что испытания Первой мировой войны означали для него нечто подобное...

Уже в первые дни войны лейтенант де Голль, которому не минуло еще 24 лет, принял боевое крещение. Французское командование, не очень считаясь с силами и намерениями противника, как и со своими возможностями, предприняло в соответствии с заранее разработанным «планом XVII» наступление сразу на нескольких участках фронта: в направлении Эльзаса, Лотарингии, Бельгии. 1й батальон 33го полка 2й пехотной дивизии, в составе которой был де Голль, перешел бельгийскую границу и двинулся в район Намюра. Он оказался как раз на том участке фронта, на который обрушился главный удар немцев. Вступил в действие «план Шлиффена», разработанный еще в 1905 году и хорошо известный французскому командова-

нию, которое самоуверенно игнорировало его. Германские армии вторглись в Бельгию, чтобы оттуда проникнуть во Францию на наиболее удобном и слабозащищенном участке границы. Развернулось так называемое «пограничное сражение».

Лейтенант де Голль еще не нюхал пороха. Ему предстояло впервые в жизни увидеть то, в чем он находил свое призвание, – настоящую войну. Сначала все происходило, как на маневрах. Потом картина резко изменилась. В книге «Франция и ее армия» де Голль так излагал впечатления от первого настоящего боя: «Внезапно огонь противника становится метким и концентрированным. Град пуль и гром пушечных залпов усиливаются с каждой секундой. Тот, кто еще уцелел, бросается вниз, прижимаясь к земле. Они лежат вперемешку со стонущими ранеными и безмолвными трупами. Напускное спокойствие офицеров, которые хотят умирать стоя, упорно не опускающиеся в отдельных местах штыки винтовок, трубы, издающие сигналы атаки, отдельные героические перебежки – все это не имеет здесь никакого значения. Иногда кажется, что вся доблесть мира бессильна против огня».

Де Голль держится под огнем уверенно, во всяком случае внешне. Но высокая фигура, столь эффектная в парадном строю, представляет собой очень удобную мишень. Он получает первую рану 15 августа 1914 года, когда вместе со своим батальоном защищает мост через реку Мезе у бельгийского городка Динана. Рана неопасна, но достаточно серьезна, чтобы его отправили в госпиталь в Аррас. Через город с севера на юг сплошным потоком двигаются беженцы и солдаты. Немцы успешно наступают, отбрасывая французские войска все дальше в глубь страны. События развиваются стремительно, фронт неумолимо приближается к Аррасу, лежащему на пути в Париж. Де Голль не хочет попасть в руки к немцам в первые же недели войны. Он уезжает из Арраса и один отправляется в Париж, а затем в Лион, чтобы там залечить свою рану.

А немцы уже подходят к пригородам Парижа. 2 сентября правительство бежит в Бордо. Неужели снова предстоит осада Парижа, как в 1870 году? Нетрудно представить себе настроение де Голля и других французов, которые месяц назад направлялись в поход на Берлин. Пресловутая французская военная доктрина и основанный на ней «план XVII» обанкротились в первые же недели войны. Ее применение стоило Франции дополнительно полмиллиона убитых. Спасло Францию только то, что военное командование оказалось вынужденным действовать в духе, совершенно противоположном его прежним замыслам. Организуется оборона, и после кровопролитного сражения на Марне немцы вынуждены отступить. Хотя некоторые генералы, вроде Галлиени, проявляли смелую инициативу, успех на Марне не был закреплен. И все же эта грандиозная битва во многом предопределила исход войны. Франция смогла выдержать испытания первых недель потому, что немецкому командованию пришлось перебросить крупные силы с запада на восток для защиты Пруссии от наступавших русских войск. В 1944 году генерал де Голль скажет по этому поводу: «Когда в 1914 году Германия и АвстроВенгрия перешли в наступление, русское продвижение в Пруссии значительно способствовало нашему восстановлению на Марне»,

Первый боевой опыт не забывается никогда. За несколько недель де Голль увидел многое, что навсегда останется в его памяти. Между тем здоровье лейтенанта восстановилось, и через два месяца после первого ранения он возвратился в строй. Его полк в это время находился на фронте в Шампани. Теперь главные боевые действия переместились на восточный фронт, где русские с трудом сдерживали натиск германской армии. Французское командование использует затишье на Западном фронте в 1915 году, для того чтобы компенсировать свою неподготовленность к войне усиленным вооружением и разными организационными мерами. Война из маневренной превращается в позиционную, армии зарываются в землю. В основном проводятся лишь операции местного значения. Де Голль активно участвует в них. В январе 1915 года он упомянут в приказе по 2й дивизии, что по традиции считается во французской армии большим отличием. Де Голль был отмечен «за проведение в крайне опасных условиях

ряда операций по разведке позиций противника и получение ценных сведений». Командовавший полком подполковник Кладель назначает серьезного и смелого молодого офицера своим помощником.

В начале марта военные действия в Шампани активизируются. Французы предпринимают несколько наступательных операций. 10 марта под МенильлезЮрль де Голль получает вторую рану. Только в июне 1915 года он смог вернуться в полк. 3 сентября ему присваивают звание капитана, а 30 октября назначают командиром 10й роты.

В начале 1916 года германское командование решило перенести центр боевых действий снова на Западный фронт и начать здесь мощное наступление на ключевой пункт французской обороны – Верден. Штурм, которым лично командовали кайзер Вильгельм II и кронпринц, начался 22 февраля артиллерийской подготовкой невиданной мощности. Это был ураган огня. Французские войска не выдержали и начали отступать. За пять дней ожесточенных боев немцы продвинулись на семь километров.

На помощь Вердену бросили 1й армейский корпус, в который входил 33й полк. Капитан де Голль прибыл ночью со своими солдатами на грузовиках к форту Дуомон, только что занятому немцами. Наступил как раз тот момент сражения, когда обе стороны хотели лишь перевести дух. Командир полка поручил де Голлю организовать замену солдат на передовой линии вновь прибывшими подкреплениями. Свою роту он разместил у самого форта. Утро следующего пасмурного дня, осветившее перепаханную снарядами землю, покрытую множеством необранных трупов, вопреки ожиданию не привело к возобновлению боя. Передышка, во время которой капитан де Голль напряженно ждал атаки, продолжалась 48 часов. Внезапно относительная тишина сменилась адским грохотом. На французов обрушилась лавина огня и стали. Потери были ужасны, но не успели подсчитать их, как немцы пошли в атаку. Пулеметный огонь французов не мог остановить их. Положение становилось отчаянным. Вдруг раздалось: «Капитан, смотрите, к нам идут подкрепления!» Де Голль обернулся: то были немцы, сменившие свои остроконечные каски на плоские французские, снятые ими с убитых. Остатки 10й роты оказались в окружении. Де Голль попытался организовать круговую оборону, но кольцо сжималось все теснее. Тогда, собрав горстку оставшихся у него солдат, он повел их на прорыв в штыковую атаку. В момент яростной рукопашной схватки капитан внезапно почувствовал сильный удар и, потеря сознание, повалился на землю.

С французских линий видели уничтожение остатков 10й роты, видели падение ее командира. Полковник Будор сообщил обо всем семье де Голля. За свой подвиг капитан был награжден орденом Почетного легиона. В приказе, подписанном генералом Петэном, который вместе с генералом Кастельяно руководил обороной Вердена, говорилось: «Капитан де Голль, командир роты, известный своими высокими интеллектуальными и моральными качествами, в момент, когда батальон подвергся ожесточенному обстрелу и нес большие потери, когда противник вел наступление на его роту со всех сторон, поднял своих людей и повел их в яростную атаку, завязав жестокий рукопашный бой. Это было единственное решение, соответствующее его понятию воинской чести. Он пал в схватке. Это был во всех отношениях несравненный офицер».

«Тот, кого сочли умершим, проживет дольше всех» – говорят французы. В самом деле, де Голль был тяжело ранен штыком в бедро и в бессознательном состоянии попал в плен. Когда он пришел в себя и открыл глаза, то увидел, как он рассказывал потом, среди окружавших его немцев тех, с кем он дрался в недавней яростной схватке.

Начался плен, который тянулся почти три года, точнее—32 месяца. За это время он побывал в тюрьмах и лагерях в Щецине, Розенбурге, Фридрихсберге, Магдебурге, Людвигсхафене, Ингольштадте. С первого и до последнего дня плена его неотступно терзает мысль о побеге, о том, чтобы вернуться во Францию и продолжать сражаться. Он совершил пять попыток побега. Однажды, добыв форму немецкого солдата, он переоделся в нее и покинул лагерь. Но брюки

едва покрывали колени, а рукава доходили только до локтей. Несмотря на трагизм ситуации, можно себе представить комизм этой картины; естественно, что все обращали на него внимание и беглец был быстро водворен обратно в лагерь. В другом случае ему удалось добраться до самой границы, но здесь его схватили; высокий рост снова подвел его. Но он упорно продолжал отыскивать новые способы побега. Вместе с де Голлем в плену был известный летчик Ролан Гарро, в 1913 году он первым перелетел Средиземное море. Вдвоем они решили вырыть подземный ход. Копали долго и упорно, но в конце концов наткнулись на скалу, к тому же немцы обнаружили подкоп. За это Шарль де Голль был переведен в лагерь для неисправимых и «рецидивистов», то есть для тех офицеров, которые совершили несколько попыток побега. Это был Форт IX в Ингольштадте, в Баварии.

Для человека активного нет ничего тяжелее отрыва от деятельности. Поэтому годы, проведенные в плену, – мрачные годы де Голля. Но в некоторых отношениях они оказались очень плодотворными. В лагерных условиях, впрочем не слишком суровых, он жил интенсивной духовной жизнью, много размышлял, читал все, что попадало под руку. Когда было нечего читать, он повторял в уме произведения классиков, древних и французских, которых хорошо знал. По немецким газетам он внимательно следил за ходом войны. Он часто делал какие-то записи. Впоследствии из них родилась его первая книга «Раздор в стане врага».

Пленники, как могли, разнообразили свою скучную жизнь не только игрой в карты, песнями, нескончаемыми беседами. Де Голль, например, регулярно делал доклады о ходе военных действий, благо эти действия становились все более успешными для Франции. Оказавшийся там же бывший профессор истории читал лекции. Пленные офицеры устраивали дискуссии о стратегии и тактике, об опыте войны и ее возможных последствиях.

Среди товарищей по плену оказалось немало таких, с кем де Голль еще встретится в будущем. Здесь, кроме французских, содержались также английские и русские офицеры. Среди всех пленников выделялся красивый, энергичный, дерзкий 23-летний русский офицер Тухачевский, мечтавший только о победе и возвращении на родину. Де Голль нередко беседовал с ним, учил его французскому языку. Спустя много лет де Голль будет вспоминать о Тухачевском.

Что касается самого де Голля, то он производил сильное впечатление на товарищей по плену своей необычайной памятью, знанием военной истории, умом, страстью к чтению. Не укрылись от них, естественно, и особенности его характера, безапелляционный тон его высказываний, стремление всегда быть правым, его гордая отчужденность, а подчас и заносчивость. Ему дали прозвище Коннетабль, то есть главнокомандующий короля. Странное дело, разные люди, в разное время и в разных обстоятельствах, независимо друг от друга называли его этим словом. Значит, было что-то в его облике такое, что ассоциировалось со старинным образом королевских военачальников.

Однажды, после очередной политической дискуссии, один из пленных французских офицеров, который до войны был преподавателем университета, обратился к де Голлю с таким вопросом: «Почему бы вам не заниматься политикой?» «Если бы я не был военным, возможно... – ответил де Голль и добавил: – Единственное средство формирования политика – опыт». Характерно, что он не исключал для себя еще тогда возможности политической деятельности.

Впрочем, де Голль далеко не до конца исчерпал и карьеру военного. Он особенно остро почувствовал это в ноябре 1918 года, когда война закончилась поражением Германии и пленных отпустили домой. Де Голль возвратился во Францию, в Дордонь, в семейное владение ла Лижери. Весной 1919 года там собралась вся семья. Три брата де Голля тоже воевали, имели ранения, получили награды и все остались живы. Редкая, счастливая судьба для французской семьи!

Участие в войне Шарля де Голля отмечено орденом Почетного легиона, Военным крестом и тремя упоминаниями в приказе. Но он – всего лишь капитан без всякой должности, в то время как некоторые его сверстники достигли большего в войсках или особенно в штабах.

Разумеется, речь шла не о зависти. Де Голль никогда не сравнивал себя с другими. У него должна быть особая судьба. Но годы плена сделали его участие в войне какимто неполноценным; он словно получил полуотставку. Поэтому капитан мрачен и замкнут более обычного, как будто в чемто обделен судьбой.

Конечно, Франция благодаря помощи союзников и ценой огромных потерь все же одержала победу, она возвратила себе Эльзас и Лотарингию. Но в каком состоянии она оказалась сама? Он с грустью сравнивал атмосферу националистического подъема, предшествовавшего 1914 году, когда дух Пегги и Барреса опьянял сознание молодежи, с апатией и безразличием, царившими теперь. «Священный союз», который так радовал де Голля в августе 1914 года, оказался эфемерным. Все прежние конфликты, все «бессмысленные» распри возобновились уже в ходе войны в небывало резкой форме. Политические интриги, закулисные махинации, лицемерие и ложь политиканов, оргия наживы на войне – все это приобрело в мрачном свете военных бедствий особенно тягостный характер. Социальные противоречия в условиях войны еще больше усилились, вопреки заклинаниям националистов о единстве нации. В 1917 году бастовало 300 тысяч рабочих. Самым тревожным было то, что измученная войной армия оказалась на пороге революционного восстания. Дело дошло до применения артиллерии против восставших солдат.

Де Голль писал в своих мемуарах, что Франция, «обессиленная от потерь и разрушений, потрясенная до основания в своей социальной структуре и выведенная из морального равновесия, вновь пошла неуверенным шагом навстречу своей судьбе, в то время как ее режим, принимая свой прежний облик и отвергая Клемансо, отказывался от политики величия и возвращался к хаосу».

И в этом «хаосе» де Голль находил для себя лишь незаметное место пехотного офицера в какомнибудь захолустном гарнизоне, в армии, обреченной на мир. «Война – это ужасно, – сказал както де Голль в частном разговоре, – но мир, надо прямо сказать, это так скучно». И здесь ему представилась неожиданная возможность продолжать войну, и притом войну против Германии. Дело в том, что польский генерал Юзеф Геллер вербовал среди французских офицеров добровольцев для борьбы в рядах польской армии против большевиков. Но какое это имело отношение к Германии? Ответ на этот вопрос можно найти, если представить ту слепую ярость, с какой французская буржуазия отнеслась к Великой Октябрьской революции. Разумеется, о главном, то есть об облигациях займов, размещенных царской Россией во Франции, об утраченных капиталовложениях, о потерянных русских рынках и т. п., предпочитали говорить меньше, а де Голль вообще с презрением относился к экономическим и социальным делам. Поэтому глубинная сущность явлений часто ускользала от него. Нация как некая мистическая общность традиций, психологии, мысли и чувства – вот что он принимает в расчет в первую и в последнюю очередь.

Негодование против большевиков как раз и облекалось в возвышенную форму заботы о французских национальных интересах. Ведь большевики толкнули Россию на заключение «сепаратного» мира и тем самым нанесли «удар» союзникам, и прежде всего Франции. Французский посол в России Нуланс заявил в январе 1919 года, что с помощью большевиков Россия стала добычей Германии, которую она неизбежно использует для подготовки новой войны против Франции.

В начале 1919 года, когда де Голль только что вернулся из плена, такие выступления сливались в сплошной хор. Французская буржуазия охотно развязала бы открытую войну против Советской России, если бы не сопротивление народа. Как раз в это время вспыхнуло восстание на французских военных кораблях в Одессе, и их пришлось оттуда увести. Но французские

правящие круги стремились использовать все возможные средства косвенной интервенции. Поэтому, например, поощрялась вербовка офицеров в белопольскую армию. И лейтмотивом антибольшевистской истерии служил тезис о том, что большевики и Германия неразрывно связаны и, следовательно, борьба против большевиков является борьбой против Германии, борьбой за интересы Франции. Де Голль предпочел бы воевать непосредственно с немцами, но шансов на это в ближайшее время не было, а его неутоленная жажда военной деятельности была так велика, что он решил ехать на восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.